

ПОЛЬСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

(если оккупации не будет)*

Когда польские события анализируются западными специалистами, их в первую очередь волнует вопрос, введет ли Советский Союз свои войска в Польшу или не введет. В нынешней международной обстановке последствия военной интервенции оказались бы для Москвы весьма неблагоприятными. Учитывая это обстоятельство, и гадают на Западе, решатся ли советские руководители на оккупацию. Причем, полностью такую возможность никто не исключает: исторический опыт говорит, что советское руководство может прийти и к такому решению.

И все же рассуждения о возможности или реальности советской интервенции не должны отвлекать нас от попыток систематического рассмотрения важнейших аспектов современного развития Польши. Поэтому в этой статье я хочу остановиться на некоторых чертах польского кризиса, абстрагируясь от вероятности советской военной интервенции. Вернее, я хочу попробовать предвидеть, как будут развиваться события в Польше, если ее не оккупируют.

Читая некоторые произведения западных публицистов, иногда можно получить впечатление, что если вторжение советских войск в Польшу не состоится, единственно возможная альтернатива развития — в сторону плюралистической демократии, к независимости от общественно-политической модели советского образца. Мне же думается, что перспективы не столь просты. И именно это, между прочим, внушает надежду, что интервенция не состоится. Если бы Польша действительно отвергла общественно-политическую систему советского типа, именно тогда Москва попыталась бы силой и незамедлительно ее реставрировать.

* Статья написана 25 января 1981 года. Напечатана в „Listy”, № 2, 1981 г.

С другой стороны, я убежден, что если советские войска не вмешаются, можно ожидать перемен не только в общественно-политической системе самой Польши, но — в перспективе — и их влияния на судьбу других стран советского блока, хотя масштабы этих перемен ограничены.

Польша и ее соседи: различие и сходство

Общественно-политическая система советского типа, как она сложилась в Польше, еще задолго до начала событий 1980 года отличалась некоторыми особыми, по сравнению с другими странами советского блока, чертами. Эти отличия уходят корнями в далекое прошлое, с которым я здесь говорить не буду. Наиболее бросающиеся в глаза особенности Польши, которые широко отмечены и в западной публицистике, можно свести к четырем: обширный сектор единоличного сельского хозяйства; более развитые экономические связи с Западом; исключительно сильное идейное и политическое влияние католической церкви; большая умеренность репрессий против критиков режима.

В этих особенностях склонны часто видеть на Западе предпосылки более либерального и демократического развития Польши, чем, допустим, СССР, современной Чехословакии или ГДР. Именно потому, что некоторые отличительные черты общественно-политической системы Польши оценивались положительно, тот же Запад отнесся с чрезмерной благосклонностью, например, к режиму Герека. Западная публицистика совершенно не подготовила читателей к банкротству режима Герека и его падению под давлением недовольства масс. Создалась иллюзия, будто режим в Польше стабилен! Более того, мнимая стабильность польского режима ошибочно сопоставлялась с положением в Венгрии, поскольку на первый взгляд могло показаться, что и Польша, и Венгрия более ”либеральны” по сравнению с другими странами советского блока.

В действительности же последние несколько лет общественно-политическая система Польши отличалась *большой степенью несостоятельности*. Польскому руководству все с большим трудом и меньшей степенью успеха удавалось разрешать проблемы, которые возникали в экономике и других областях общественной жизни.

Если не подменять действительность желаемым, легко уви-

деть, что часто отмечавшаяся положительность особых черт польской общественно-политической системы отнюдь не однозначна. Обширный сектор единоличного сельского хозяйства — это не только ограничение государственного всемогущества, но и одна из причин катастрофического положения народного хозяйства Польши. И вовсе не потому, что *единоличное* сельское хозяйство неэффективно, а потому, что существующая в Польше система не дает ему развиваться так, как оно развивается в нормальных условиях. С одной стороны, политическая власть не может заменить единоличное сельское хозяйство коллективным, пусть и низкокачественным, как в СССР, а с другой стороны, — она боится разрешить единоличникам добиваться производственных успехов эффективно. Подавляя единоличников как "чуждый элемент", она постоянно ставит им рогатки. В результате сельское хозяйство Польши оказалось в более тяжком кризисе, чем в других странах советского блока.

Развитые экономические связи Польши с Западом тоже естественны. Способность Польши проникнуть на западные рынки, подключившись к западному разделению труда, так же ограничена, как у ее соседей. Зато ее задолженность Западу намного выше. В соответствии с этой задолженностью, экономика Польши должна была бы быть более интегрирована с западной, но в действительности она полностью связана с экономикой стран СЭВа. В итоге Польша не может заплатить долги Западу, а эффективность ее хозяйства низка, и оба эти обстоятельства проявляются там болезненнее, чем у соседей.

Экономическая неэффективность польской системы отразилась и на некоторых ее идеологических и политических особенностях. Коммунистическая партия там не суверенна, как не суверенна и католическая церковь. То же можно сказать о так называемых диссидентах, хотя обращаются с ними в Польше более терпимо, чем в соседних странах. С другой стороны, политическая система Польши отнюдь не плюралистична. Напротив, ее функционирование предполагает присутствие в области идеологии и политики авторитарного суверена. А поскольку там такого суверена нет, то и система ее менее эффективна, чем в других странах советского блока. В Польше более остры, чем в других странах, противоречия между формальными и неформальными структурами. Ее население совершенно потеряло веру в эффективность формальных структур. Это недоверие более глубоко

ко в Польше и среди правящих, и среди управляемых, чем в других странах. Такая атмосфера не очень благоприятна для развития либерально-демократических тенденций. Она скорее порождает еще большую апатию, цинизм и взяточничество.

С этой точки зрения легко увидеть, что значимость особенностей современной общественно-политической системы Польши заключается не в том, что они открывают дорогу для демократизации, а в том, что именно они наиболее резко раскрывают черты нестабильности системы советского типа вообще: ведь явно нефункционирующая система всегда нестабильна. Для советского блока как целого Польша уже в течение многих лет — *самое слабое звено цепи*, а еще Ленин говорил, что такое звено может повлиять на всю цепь.

Но именно этого уже достаточно, чтобы соседние государства советского блока были особенно озабочены польскими событиями, и озабочены гораздо больше, чем это было бы оправдано просто известными различиями между ними и Польшей. Вопреки тому, что ни для Чехословакии, ни для ГДР перечисленные выше особенности Польши не типичны, эти страны живут в страхе, что присутствие нефункционирующей, а потому и нестабильной Польши вскроет и без того опасные проявления неэффективности и нестабильности их собственных общественно-политических систем.

Независимо от польских событий 80-е годы начались для советского блока достаточно печально. Все страны СЭВа официально признали, что рост производства и уровня жизни сводится по плану к минимуму. Официальным лозунгом стало сохранение достигнутого уровня жизни, но не его повышение. Это серьезно воздействовало на механизм, который связывает политическую лояльность населения с уровнем его материального благосостояния. Правящие верхушки стран советского блока начали бояться, что им не удастся обеспечить устойчивое положение в своих странах хотя бы на уровне 70-х годов еще до польских событий осени 80-го года.

После массовых забастовок в Польше, после признания правительством независимых профсоюзов, вынужденной отставки нескольких руководителей и прихода к власти новых, правящие верхушки стран советского блока всячески пытались подавить аналогичные тенденции у себя, любой ценой изолировать польскую эпидемию. Открытые призывы к военной интервенции, ко-

торыми кишела чехословацкая печать, завуалированные призывы к тому же в печати СССР и ГДР, были -- и будут -- обусловлены страхом перед польским микробом: ни в 1970 году, ни в 1976 власти стран советского блока не были так напуганы, поскольку положение в их странах было тогда устойчивее, а волнение в Польше удавалось сдерживать в определенных рамках.

Зов Польши слышен повсюду. Руководители стран советского блока поставлены перед необходимостью предотвратить дестабилизацию собственных систем, которые во многом подобны польской. Влияние польских событий сравнимо с кризисом массового политического террора, который наступил после смерти Сталина. Однако отсюда вовсе не следует, что правящие круги советского блока встанут на путь развития демократии, что близится новая "эра либерализации". Наоборот, весьма реальна возможность, что они будут искать выход в частичной хотя бы реставрации политического террора. Однако это им может дать только оттяжку. Проблема стабилизации их общественно-политических систем все-таки останется, и правящие круги будут в конце-то концов вынуждены ее решать. Поэтому можно предположить, что в этих системах, которые в прошлом десятилетии отличались необыкновенной косностью и застоєм, известные *сдвиги* не только реальны, но и неизбежны. Направление и характер этих сдвигов будут определяться и внутривнутриполитическими факторами и международной обстановкой, которая для текущего десятилетия только лишь начинает вырисовываться. Поэтому еще рано прогнозировать, каковы они будут.

Давление "снизу" и границы возможных перемен

В отличие от Пражской весны 1968 года, которая началась как реформа сверху, по инициативе представителей реформистских течений внутри официальных структур власти, события в Польше вызваны давлением снизу, по инициативе общественных сил, которые стоят вне этих структур. Но тем самым становится очевидно, что метод, при помощи которого системы советского типа добились стабилизации в семидесятые годы, когда все критические направления, все реформистские и оппозиционные силы были выброшены из правящей партии и официальных институтов, может принести властям лишь частичный и временный успех. Последние события в Польше подтвердили правильность

прогноза, из которого исходили представители оппозиции уже в семидесятые годы, причем наиболее последовательно -- именно инакомыслящие самой Польши. Уже несколько лет назад он был высказан Адамом Михником и на практике определил деятельность КОРа -- Комитета защиты рабочих. Вот его смысл: после того как потерпели поражение течения внутри компартий стран советского блока, дальнейшие перемены могут быть вызваны только давлением снизу, только под нажимом сил, которые сформируются вне партии и официальных структур.

Польша -- единственная страна советского блока, в которой уже в семидесятые годы дважды -- в декабре 1970-го и летом 1976-го -- политические возможности такого нажима подтвердились практически. У оппозиции возросла вера в собственные силы, чего нельзя сказать о других странах и, в первую очередь, об оккупированной Чехословакии. С требованиями свободы творчества и легализации *независимых* от официальных структур институтов выступили в конце концов не только маленькие группы интеллектуалов, но и рабочие крупнейших промышленных предприятий, и крестьяне-единоличники. Возникли независимые профсоюзы "Солидарность".

Казалось бы, речь идет всего лишь о новой форме профсоюзного движения, но в действительности не только об этом: поставлен вопрос о принципиальной возможности институционализировать политическую волю тех общественных сил, которые либо вообще не охвачены официальной институциональной структурой, либо не имеют достаточно возможностей заявить о своих потребностях и интересах, защищать их. Это проявилось конкретно в широкой гамме политических требований, выдвинутых независимыми профсоюзами: от требований классических, связанных с условиями труда и социальными проблемами, до свободы печати и вероисповедания. Эти требования затрагивают интересы всех слоев общества, всех политических групп -- например, требование освободить политических заключенных, в том числе и осужденных за национализм и антисоветские высказывания. А правящая элита не смогла воспрепятствовать созданию нежелательного ей института, так как это было бы чревато открытым конфликтом между властью и сильнейшими группами польского общества.

Если оценивать польские события с точки зрения принятой ими официальной идеологии "марксизма-ленинизма", власть

имушие всех стран советского блока, и Польши в том числе, должны припомнить ленинское определение революционной ситуации: когда верхи уже не могут по-прежнему править, а низы уже не хотят по-прежнему жить. Нынешняя обстановка в Польше — это зародыш революционной ситуации как ее определил Ленин.

Что же, однако, случилось бы в Польше, если бы там совершилась социально-политическая революция, то есть если бы существующая система потерпела крах? В ходе такой революции сформировавшиеся в ее процессе общественные и политические силы выступили бы открыто со своими требованиями и попытались бы осуществить их на практике. Власть коммунистической партии была бы устранена, а сама эта партия как организация правящей элиты, как особая социальная группа прекратила бы свое существование. В сфере экономических отношений такая революция принесла бы с собой, с одной стороны, новые формы коллективной собственности, а с другой, — развитие частного сектора в сельском хозяйстве, в сфере услуг и, вероятно, в некоторых отраслях промышленности. Самым влиятельным идеологическим направлением стал бы, скорее всего, христианский социализм в самом широком смысле, а он мог бы перерасти в социал-демократический реформизм, в либеральные концепции самоуправления, политических и гражданских прав. Предложенное Л. Колаковским понятие "консервативно-либерального социализма", которое сейчас воспринимается как красное словцо, наиболее точно определило бы общественный строй новой Польши.

Трудно себе представить, что если бы такая социально-политическая революция началась (я уже не говорю — увенчалась успехом), Польша все бы еще оставалась "прочным звеном объединения стран Варшавского договора", что для Москвы равнозначно сохранению "дружественных отношений". Логическим следствием такой революции было бы суверенное независимое польское национальное государство, которое, считаясь с волей своих граждан, наверняка не осталось бы в подчинении у советского блока. Сегодня об этом никто вслух не говорит, но от этого наша дедукция не менее верна.

Но здесь необходимо поставить вопрос четко: хочет ли кто-либо сейчас в Польше социально-политической революции с перечисленными нами ее необходимыми последствиями? Если не считать малочисленных радикальных групп, которые бывают

всегда и везде, на этот вопрос следует ответить отрицательно. Ни в Польше, ни в других странах нет таких сил, которые считали бы желательным описанный выше ход польских событий.

В самой Польше такого рода развитие событий нежелательно ни для официальной политической власти, ни для церкви, ни для независимых профсоюзов "Солидарность", ни для таких влиятельных групп оппозиции, как, например, Комитет защиты рабочих. Нет в Польше и общественного слоя, который представлял бы приведенную выше линию. И вовсе не потому, что в стране нет носителей перечисленных требований гипотетической революции — напротив, *все* эти требования кем-то поддерживаются. Потому именно они пульсируют под поверхностью нынешней политической ситуации. Но в Польше нет сторонников отдельных требований революции, которые при этом не признавали бы их полную утопичность. В то же самое время все в Польше прекрасно сознают, что ориентироваться на такую революцию значит способствовать потере уже достигнутого, значит накликавать национальную катастрофу.

В Европе тоже никто не заинтересован в революционном крахе существующего в Польше общественно-политического режима. В рамках данной статьи не представляется возможным обобщать этот тезис подробно. Но все же можно сказать, что все участвующие в европейской политике политические силы заинтересованы в том, чтобы обстановка в этом регионе осталась предсказуемой, тогда как социально-политическая революция в Польше сделала бы ситуацию непредсказуемой совершенно.

С точки зрения идеологии ортодоксальных левых, такой подход, который характерен и для Европы, и для самой Польши, вероятно, достоин сожаления. Но если учесть опасность вооруженного конфликта в атомном веке и если не путать логику революции с логикой азартной игры, то именно в таком подходе можно увидеть реальные предпосылки для постепенных изменений общественно-политической системы Польши, а в долгосрочной перспективе — и всего советского блока.

До сегодняшнего дня развитие польских событий поддерживает такую надежду. С сентября 1980 по январь 1981 гг. и правящие круги, и оппозиция в равной мере признавали нежелательность и нереальность социально-политической революции. Характер забастовок и манера проведения связанных с ними переговоров, содержание соглашений между правительством и независи-

мыми профсоюзами, как и методы продолжающейся борьбы за реализацию обещанных в соглашениях перемен — все это свидетельствует о понимании с обеих сторон, что необходим компромисс.

Однако, остается опасность, что в известный момент станет невозможно придерживаться компромисса, который был бы приемлем для обеих сторон. И именно потому, что обе стороны предвидят такую опасность, складывается новая и, можно сказать, парадоксальная ситуация: и бунтующая оппозиция, и политическая власть часто вынуждены поступать в противоречии с абстрактной логикой собственной исходной позиции и привычными для них методами действий.

Для тех, кто находится в оппозиции, парадокс заключается в том, что чем более значительных успехов добиваются они в начальной стадии, когда только еще *открываются возможности* изменений системы, тем более необходимо им изменить методы своих действий во второй фазе, после того как компромисс *уже достигнут*. Если методы оппозиции, а в известной мере и ее цели, во второй стадии развития событий останутся прежними, ее дело может завершиться полным провалом.

В этом-то и заключается ключевая проблема сегодняшней Польши, основная трудность, с которой, — по крайней мере, на ближайшее будущее, — сталкивается ее главная политическая сила — независимые профсоюзы "Солидарность". Профессиональные союзы добились успеха, используя как оружие забастовку, грозя всеобщей забастовкой. Таким путем они вырвали у власти принципиальную уступку — легализацию независимых профсоюзов. Так открылась дорога к реформе системы.

С другой стороны, победа "Солидарности" с самого начала базировалась на специфическом компромиссе, на признании независимыми профсоюзами так называемой руководящей роли коммунистической партии. Разумеется, это выглядит компромиссом в восприятии тех, кто ищет принципиального решения в социально-политической революции. Но именно эта альтернатива была сведена на нет соглашением между правительством и забастовщиками. Однако достигнутый таким образом компромисс вовсе не устранял возможностей реформы, поскольку независимые профсоюзы, став *составной частью* политической системы Польши, играют совсем иную роль по сравнению с офици-

альными профсоюзами, которые полностью подчиняются партийному аппарату.

Положение независимых профсоюзов в обществе стало иным, когда они превратились в *составную часть* политической системы, когда они тем самым перестали быть силой, которая действовала вне рамок официальной политической структуры. В результате претерпели известные изменения и цели, которые ставит перед собой "Солидарность", и методы их достижения. "Солидарность" превратилась в своеобразного конкурента официальных профсоюзов, которые утратили роль главного партнера власти, уступив ее "Солидарности".

И на втором этапе развития польских событий, когда должны постепенно вводиться дальнейшие реформы, независимые профсоюзы продолжают быть главной группой давления. Но они уже не могут быть *всего лишь* группой давления, как на первом этапе. Тогда они действовали как стачечные комитеты. Однако теперь забастовка не может быть единственным методом. Другими словами, "Солидарность", оставаясь группой давления, *разделила ответственность* за принятие политических решений и развитие событий в стране. Но тем самым не могло не сделаться иным и ее отношение к всеобщей забастовке, к ее уместности при данной экономической, общественной и политической ситуации.

Если руководство новых профсоюзов или, по крайней мере, пресобладающая его часть, как и большинство рядовых членов этой организации, не примут в расчет свое новое положение, которое сложилось в результате их победы, в будущем может оказаться под угрозой и то небольшое, чего они уже добились. Но пока что в Польше все еще продолжают разногласия между сторонниками радикального и умеренного подходов к целому ряду вопросов. И основное из них относится именно к вопросу о забастовках: следует ли и дальше пользоваться местными забастовками и всеобщей забастовкой как главным оружием, а если да, то как часто и для поддержки каких именно требований.

С другой стороны, и власть, которая, несмотря на внутреннюю дифференциацию этих институтов, по-прежнему представлена коммунистической партией и государственным аппаратом, тоже оказалась в парадоксальном положении. Чем больше уступок она сделала на первом этапе польских событий, отказав-

шись от обычных для нее методов управления, то есть от навязывания своей воли, не считаясь с волей подвластных, тем легче ей было добиться компромисса и утвердить за собой роль партнера оппозиционных сил. Но на втором этапе власть уже не может продолжать уступать, ибо в таком случае был бы подорван именно ее статус партнера. Она вынуждена защищать как раз те пункты компромисса, на которые оппозиция согласилась только под давлением сверху.

Таким образом, и с этой стороны главной проблемой становится, *как и какими методами* сохранить достигнутый компромисс в ситуации, которая напоминает зародышную стадию революции. Если не все, то хотя бы решающее большинство представителей власти должны понять, что и они поставлены в новые обстоятельства, что они уже — не абсолютная власть, а всего лишь *одна из двух сторон*, вступивших в компромисс. Не поняв, власть сама поставит под угрозу все то, чего ей удалось добиться на первом этапе. Но и в среде правящих кругов Польши все еще существуют разногласия между реформистскими и консервативными силами. Поэтому дальнейшая судьба страны зависит и от того, признает ли власть, что достигнутый компромисс — это лишь отправной пункт, а не устойчивое состояние без внутренней динамики, без перспективы реформ, что навязывание решений сверху уже не может быть основным методом правления, — именно из-за него система обанкротилась.

Не следует, однако, забывать, что официальная власть и ее представители во главе со Станиславом Каней находятся, в отличие от сил оппозиции, в непосредственной зависимости не только от внутривластных сил Польши, но и — в первую очередь — от реакций Москвы. В этом смысле их положение сложнее. Но в этом же мы должны признать следствие того простого факта, что они представляют элиту, верховную власть, на которой лежит прямая ответственность за развитие Польши в прошлом и за нынешнее ее положение.

Будущее современной Польши зависит от того, удастся ли сформировать в ней прочную систему институтов, для которой наличие противоречий, социальных и политических конфликтов в рамках "реального социализма" было бы нормальным и которая была бы готова разрешать эти противоречия и конфликты путем компромиссов между властью и подвластными ей силами.

Но чтобы такая система могла сформироваться, необходимо

избежать как разрушения уже сложившихся общественно-политических структур, так и попыток силой восстановить порядок, существовавший в Польше до осени 1980 г. Этот порядок может предстать как советская военная интервенция, либо как применение насилия без помощи СССР, внутренними силами Польши.

Какую институциональную форму получит новая система, какие будут применяться в ней политические методы — пока не известно. Предсказывать это путем простой дедукции, используя модели плюралистической политической демократии других стран или абстрактную логику советской модели, трудно. Возможно, новая политическая система Польши совместит в себе многие элементы и той, и другой модели, а многие будут полностью отсутствовать. Очевидно только, что новая система Польши будет компромиссом, характер которого будет зависеть от соотношения сил власти и оппозиции.

На развитие событий в современной Польше влияют различные группы и направления. Рамки данной статьи не позволяют обратиться к их анализу. Но все же необходимо отметить роль католической церкви. Это институт, который обладает огромным идейным и политическим влиянием. В то же время положение католической церкви не находится в прямой зависимости от того, как разрешится конфликт между властью, с одной стороны, и рабочими и крестьянами, с другой. Поэтому обе стороны пытаются заручиться поддержкой церкви, предоставляя ей тем самым роль посредника, хотя и с ограниченными полномочиями. Поскольку интересы церкви не тождественны ни интересам власти, ни интересам оппозиционных сил, она располагает реальными возможностями способствовать достижению компромисса. Ну, а то, что при этом Маркс и Ленин переворачиваются в своих гробах, при "реальном социализме" никакого значения не имеет: такое случается не в первый и не в последний раз.

* * *

Итак, если польские события будут развиваться без военного или полицейского вмешательства, в общественно-политических системах стран советского блока может сформироваться нечто принципиально новое. Это новое будет отличаться от представлений чехословацких коммунистов-реформистов 1968 года.

Коммунисты Чехословакии совершенно целеустремленно, в соответствии со своими идеологически обоснованными программами, пытались внедрить общественно-политическую систему, которую считали оптимальной, которая синтезировала бы некоторые элементы советской и плюралистической модели. Их программы предполагали возможность *гармонии* между социальными силами страны и просвещенной, "руководствующейся научными методами" политической властью. Положение в Польше внушает надежду, что там может сложиться общественно-политическая система, которая будет развиваться путем перманентного компромиссного преодоления *конфликтов*, которые *постоянно возникают* между общественными силами и властью. Здесь можно говорить не о "человеческом лице", а о лице реальном.

При этом Польша едва ли станет второй Венгрией. В Венгрии, на базе советской модели, довольно успешно осуществляется политика, которую можно определить как искусство возможного. Венгерские власти чутко реагируют на первые симптомы возможных конфликтов и стараются избежать взрыва. Они то и дело ссылаются на опыт 1956 и 1968 гг., чтобы убедить скрытую оппозицию в невозможности что-либо изменить. В перспективе такая политика обеспечивает более или менее комфортабельную жизнь в тупике, не открывая клапанов внутренней динамики. Наоборот, Польша внушает сейчас хоть некоторую надежду, что такие клапаны могут приоткрыться.

Развиваясь таким путем, Польша открывает новый этап, который может быть началом конца брежневской эры относительной стабилизации тоталитарной системы. Именно поэтому позвизает над Польшей и, видимо, надолго, угроза смертельного удара извне.

Наконец, следует сказать и еще об одной возможности, которая, впрочем, не очень вероятна. Не исключено, что как и в 1970 году, польскому руководству удастся повернуть развитие вспять -- не столько силой, сколько посредством *неразумных компромиссов*. Однако достигнутая таким путем стабилизация оказалась бы временной, а по истечении отпущенного ей срока получился бы новый взрыв, контролировать который было бы уже невозможно.